

Стихотворенія

В. Г. БАЛАКИРЕВА.

801-1
457

50
279

Цѣна 15 коп.

В. Г. Балакиревъ.

МОСКВА.

Тип. Моск. Гор. Арнольдо-Третьяков. учил. глухонѣм., Донская, соб. д.
1906.

Читателю.

Я крестьянинъ Костромской губернии и уѣзда, Ильинской волости, деревни Сельца.

Образованіе мое довольно плохое. Я учился всего четыре съ половиной мѣсяца въ Сельцовской народной школѣ, построенной на средства генерала Эдуарда Васильевича Тиданъ.

Учительница, Лидія Карповна Гундорова, всегда кроткая, внимательная ко всѣмъ, часто говорила мнѣ:

— Ну Васенька, если бы тебѣ дать образованіе, то далеко бы ты пошелъ...

Но родители мои средствъ не имѣли учить меня долго.

Выучивъ азбуку, я долженъ былъ итти въ ученье, учиться парикмахерскому мастерству.

Я еще въ деревнѣ слогалъ прибаутки и разныя пѣсенки, шутки, за что меня молодежь очень любила, а старики поругивали, хотя и снисходительно.

Когда я жилъ въ ученѣ, хозяинъ мой, К. Е. Долгополовъ, позволялъ мнѣ въ свободное время читать и писать и даже заставлялъ.

— Кончилъ столовую работу? — говорилъ онъ, — можешь теперь читать и писать....

Хозяинъ выписывалъ журналы: „Живописное обозрѣнiе“, „Ниву“ и „Московскій листокъ“. Кроме того у него было много своихъ книгъ.

Въ ученьи я прочиталъ многихъ извѣстныхъ русскихъ писателей и нѣсколько философскихъ книгъ.

Стихи сталъ писать съ пятнадцати лѣтъ и теперь, по просьбѣ моихъ друзей, рѣшился выпустить въ свѣтъ эту маленькую книжечку.

Пусть не судить строго читатель мою слабость, мои скромныя пѣсни, въ которыхъ такъ много недостатковъ, пока еще для меня неисправимыхъ. Въ будущемъ я постараюсь поучиться и усовершенствоваться.

В. Г. Балакиревъ.

Мое страданье.

О други! Страшно я страдаю!
Мученьямъ сердца нѣтъ конца!
За что? За что?... И самъ не знаю...
Тоска заѣла молодца.

Меня всѣ какъ-то избѣгаютъ,
Не, вѣрять въ то, что говорю,
Мои поступки осуждаютъ
И то клянуть, что я люблю.

Вездѣ я вижу лицемѣрье,
Всѣмъ нынче надо угождать,
И врать то надобно умѣнье
И правду матушку скрывать.

Я очень глупо это правду
Въ глаза всѣмъ прямо говорю,
И этимъ злобу и досаду
Зову на голову свою.

Но въ людяхъ мелочныхъ презрѣнья
Не замѣчать всегда я радъ
И всѣ ихъ грязныя сужденья
Мою мечту не отравятъ.

Семья.

Люблю тебя, люблю, родимая семья!
 Въ тебѣ за муки жизни мнѣ награда,
 Тобой живу, тобою наслаждаюсь я,
 Въ тебѣ покой, въ тебѣ моя отрада.

Жена, отецъ и мать, родные всѣ мои,
 Я васъ люблю!.. Всѣмъ сердцемъ къ вамъ стремлюся!
 Когда-же кончатся разлуки съ вами дни?
 Когда-же съ вами я соединюся?

Я далеко живу, оторванный отъ васъ,
 Но мыслью съ вами часто я сливаюсь...
 Душа объ васъ терзалася не разъ
 И вотъ сейчасъ я все объ васъ терзаюсь...

Нѣтъ радости моей предѣла и конца,
 Когда отъ васъ я вѣсти получаю
 И веселѣй, въ тотъ день, я своего лица
 Кругомъ себя не вижу, не встрѣчаю.

Жаждемъ счастья мы всѣ,
 Счастьемъ въ жизни насладиться...
 Другъ мой!.. Счастье въ насъ, въ себѣ,
 Больше не къ чему стремиться.

Ты все ропщешь на судьбу,
 Всѣхъ въ злодѣевъ превращаешь,
 Съ ними ты ведешь борьбу
 Но зачѣмъ?... и самъ не знаешь.

Предупреждение.

Читателя прошу
 При чтеньи не смѣются,
 Что не умно пишу, —
 Да гдѣ-жъ ума набраться?

Скажу вамъ, хоть не смѣло,
 Но твердо: я рѣшилъ!
 Стихи писать всецѣло
 Себя я посвятить.

Писать не для наживы,
 Я скрягою не былъ!
 И съ малыхъ лѣтъ не лживо
 Стихи я полюбилъ.

Вся жизнь моя — несчастье:
 Влюбился всей душой
 Я въ дѣву пылко, страстно,
 Въ огнѣ сгоралъ живой.

Мечтамъ я предавался,
 Хотѣлъ ее прельстить,
 Но не причемъ остался,
 Я ею былъ забыть.

Съ тѣхъ поръ одинъ несчастный,
 Тоской истерзанъ злой
 Я день и ночь мечтаю
 О дѣвѣ молодой.

И вотъ мнѣ утѣшенье:
 Стихи писать хочу
 И этимъ безъ сомнѣнья
 Я душу облеγχу.

Пишу... а сердце ноетъ...
 Но ноетъ о другомъ,
 Вѣдь все сносить ужасно,
 Несчастливымъ быть во всемъ!..

Теперь страдать довольно!
 Все кончилось давно!
 А сердцу больно, больно...
 А въ жизни все темно...

Разшумѣлись лѣса....

Разшумѣлись лѣса,
 Разыгралась рѣка,
 Засвисталь соловей,
 Пала въ сердце тоска.

Мнѣ безъ дѣла коль бытъ —
 Скука въ мигъ изведеть,
 Если руки сложить —
 Сердце на вѣкъ замреть!

Смѣло битву ведеть
 Съ грозной бурей лѣсъ,
 Такъ и я, въ свой чередъ
 Биться радъ молодець!

Мнѣ-ль сидѣть у огня,
 Молодцу лихачу?
 Я на друга коня
 Быстрѣй вихря вскочу.

И тогда предо мной
 Все кругомъ разступись;
 Врагъ надмѣнный и злой
 Наказанья страшись!

Пѣсня преступника.

Въ глухой тюрьмѣ, прильнувъ къ окошку
 Преступникъ молодой глядѣлъ
 Съ тоской на вольныя долины
 И пѣсню жалостную пѣлъ:

„О Боже, Боже милосердный
 Зачѣмъ оставилъ Ты меня,
 Тебѣ я съ вѣрою молился
 И въ тѣмѣ ночной и въ свѣтѣ дня.“

Какъ часто я передъ Тобою
 Всю ночь молился и рыдаль,
 И все просиль, и все напрасно,
 Что бь Ты оковы распаяль!..“

Ужель увяла....

Ужель увяла безъ возврата,
 Какъ вянуть осенью цвѣты?
 Лишь до весны нѣтъ аромата
 И нѣтъ волшебной красоты.

Весной-же снова къ наслажденьямъ
 Они манить собой начнутъ
 И вновь страданьямъ и сомнѣньямъ
 Въ душѣ моей пріютъ дадутъ.

Весной надежда вновь проснется,
 Что ты полюбишь вновь меня;
 Любовь твоя меня коснется
 И обожжетъ сильнѣй огня.

Ты не полюбишь, нѣтъ! Я знаю!
 Зачѣмъ обманывать себя!
 А я все жду!.. А я страдаю,
 Тебя, коварную, любя.

Лизѣ,

Зачѣмъ-же, милая голубка
 Склонила голову свою?
 Скажи мнѣ, чѣмъ помочь несчастью,
 Какъ разгадать печаль твою?

Скажи, какъ другу мнѣ и брату
 Чѣмъ ты страдаешь, чѣмъ больна?
 Съ лицомъ, раздумьемъ омраченнымъ
 Сидишь печальной у окна.

Твой голось, нѣжная голубка,
 Затихъ такъ скоро почему?
 Объ чемъ печаль, къ чему рыданья?
 Мечты твои летятъ къ кому?

Кто могъ твое воображенье
 Къ себѣ такъ дерзко привлекать,
 Покой похитить и веселье
 И научить тебя страдать?

Иль подарила наслажденье
 Тому, о комъ мечтаешь ты
 И покорилась увлеченью
 И имъ наполнила мечты?

А я мечталъ, что, какъ богини
 Твоя душа была чиста...
 Къ твоей одеждѣ, какъ къ святынѣ
 Я прижималъ свои уста.

Дума.

Я сколько раз открытъ хотѣлъ
Всѣмъ тайну страсти и желанья
Завѣтныхъ думъ... Но не посмѣлъ
Излить тоску, излить страданья.

Молчанье мирное храня
Въ угоду ей я все терзался,
Любовь отъ свѣта затая....
И ей, какъ рабъ, я покорялся.

Лишь ей обязанъ повѣрять
Я радость, горе и мечтанья,
А отъ другихъ же все скрывать,
Что бъ свѣтъ не зналъ мои страданья.

Она то молніей блестить,
Играя свѣтлымъ вдохновеньемъ,
То вдругъ, какъ туча, пролетитъ
Передъ моимъ воображеньемъ.

И я всегда ловлю, ловлю
Всѣмъ существомъ свою святыню,
И воскресая и люблю
Мою владычицу богиню.

И съ ней мечтами уношусь
Я въ край невѣдомый блаженства
И съ ней живу и ей молюсь,
Въ ней вижу жизни совершенство.

Письмо другу.

Имѣю много я надежды
На будущность... стремлюсь впередъ...
Пусть обижаются невѣжды,
За то пойметъ меня народъ.

Опять война... Но какъ печальна
Тамъ участь многихъ храбрецовъ;
Ряды могилъ въ сторонкѣ дальней—
Приютъ послѣдній для борцовъ.

Тамъ храбро гибнуть молодые...
А дѣти, жены, вся родня
Все ждутъ ихъ на поля родные,
На честный, мирный трудъ маня.

Весна.

Благоуханьемъ аромата
Наполненъ воздухъ полудня,
И блескомъ солнечнымъ богата
Весна, весна, царица дня.

Взгляну на лѣсъ, взгляну на поле,
Какъ все сіяетъ красотой!
Какой просторъ! Какая воля!
Какой божественный покой!

И небо синее спокойно;
И блескомъ солнечныхъ лучей
Такъ грѣетъ ласково и знойно
Зимой назябшихся людей.

Порой нарушитъ вдругъ молчанье
Крестьянинъ пѣсней удалой
Иль пчелки набожной жужжанье...
И снова царственный покой!

О будь всегда такой природа!
Такой спокойною всегда
И жизни мирной для народа.
Примѣромъ будешь ты тогда.

Храмъ Мельпомены.

Храмъ застроивъ Мельпоменѣ,
Фабриканты и купцы
Возмечтали вдругъ на сценѣ
Сами выступить „отцы“.

Пусть потѣшатъ насъ искусствомъ
И народъ рабочій свой,
Фабрикантъ вѣдь тоже съ чувствомъ
И съ возвышенной душой.

Съ нетерпѣньемъ ожидаемъ:
Скоро-ль городъ оживетъ?
Мы отъ скуки умираемъ
А рабочій въ лежку пьетъ.

Но театръ все строить, строить...
Такъ-же, какъ водопроводъ!
„Подождутъ“ — отцы глаголятъ —
„Это дѣло не уйдетъ!“

„Не уйдетъ... И пусть фабричный
Проживетъ невѣждой вѣкъ...
Интересъ намъ дорогъ личный
Но никакъ не человѣкъ!“

Фабрикантъ.

Вотъ въ Ивановѣ есть купчикъ,
Презабавный фабрикантъ.
Прогрессистъ... Въ изобрѣтеньяхъ
Изошриль онъ свой талантъ.

Онъ, себя оберегая,
Всѣхъ рабочихъ, вотъ напастъ!
Волоса обрить заставиль,
Что-бъ въ машину не попастьъ.

И пошла кругомъ потѣха:
Кто расчесть ужъ заявиль;
А другому не до смѣха,
По нуждѣ себя обриль!

Самодуръ-же фабрикантикъ
Ходить, руки свои треть,
И работницъ-бабъ мечтаетъ
Такъ-же брить онъ въ свой чередъ.

Укорилъ.

Мужъ жену свою корилъ:
„Очень баба ты гулива!“
А она въ отвѣтъ: „Ермилъ,
Двухъ сынковъ я подарила.“

Помогать тебѣ одинъ,
А другой солдатомъ будетъ“....
И купилъ женѣ Ермилъ
Два платка: „Пускай не судить“.

И въ обновахъ по селу
Баба весело гуляетъ,
И солдату одному
Очень много общаетъ.

Москва.

(Впечатленія проѣзжаго провинціала).

Картины Даціаро
И тоже — Аванцо!
Налѣво и направо
Широкое крыльцо

У Мюръ и Мерилиза
Бокъ о бокъ Теодоръ....
Попробуй подступися
Не грабить такъ и воръ!

Швабѣ и Циммерманы
Миллѣръ, еще Мюллѣръ,
И братья Линдеманы,
Вольфъ, Фраже и Грубѣръ.

Сіу, Ралле и Эйнемъ,
Броккаръ, Панаіотъ;
Душусъ и сладко ѣмъ я
И двигаюсь впередъ:

Блокъ, Брабецъ и Шумахеръ,
Изъ Конго есть Бодло,
Откуда шахеръ-махеръ
Такъ много нанесло?

М* Лейзеровъ Куница,
Гофманъ, Брахманъ и Мандль;
Какой-же ты, столица,
Подобрала ансамбль?

Мозеръ, Конрадъ, Рейнгарты,
Гутхейль, Антуанетъ....
Гдѣ-жъ русскіе то братья?
Иль ихъ въ Москвѣ и нѣтъ?

Туча.

(памяти Кольцова).

Туча черная
 Что не съ сѣвера,
 Она съ запада
 Собирается.

Только нѣтъ тебѣ
 Вѣрно моченьки,
 Поразвѣяли
 Вѣтры буйные...

Часто споришь ты
 Съ вѣтромъ- бурюю,
 Но не можешь ты
 Поборогъ ее.

И пришелъ конецъ,
 Пронеслася ты
 По всему свѣту
 Да по бѣлому.

И не страхъ, не вредъ
 Принесла ты намъ,
 Не несчастія,
 Ни страданія.

А волшебныя
 Чары дивныя,
 Пѣсни новыя,
 Заунывныя.

И еще такой
 Тучи ждали мы,
 Но не слышали
 Ея голоса.

Ни отъ куда къ намъ
 Не собирается
 Тучка новая
 Съ пѣсней чудною.

Холодность.

Какъ много лѣтъ душа моя,
 Не знала скорби и печали
 И какъ бы съ „нею“ умерла;
 „Она“ все то, чѣмъ мы страдали
 Съ собой въ могилу унесла.

Какъ много я за это время
 Перестрадалъ о безвозвратномъ,
 И жилъ безъ всякаго сомнѣнья;
 И было все мнѣ непонятнымъ:
 Людскія счастья и мученья.

Я думалъ: нѣтъ ужъ мнѣ отрады
 И сердцу больше не страдать;
 Я думалъ: мнѣ любви не надо,
 Не пробудить ее опять,
 Она ушла и безъ возврата....

Ангель.

Въ полночный часъ ты возсіялъ
 Какъ солнца лучъ желанный,
 И предъ тобой я трепеталъ
 Хранитель, Богомъ данный.

Узрѣлъ, великій духъ небесъ,
 Твоихъ одеждъ сіянье,
 И ты дохнулъ и я воскресъ.
 Въ отрадномъ упованьи.

Во взорѣ я прочелъ укоръ
 За прежнее роптанье,
 И, словно смертный приговоръ,
 Я принялъ въ наказанье.

Воскресли вдругъ во мнѣ мечты
 Съ раскаяніемъ твердымъ;
 И я упалъ, какъ съ высоты,
 И сталъ не злымъ, не гордымъ.

И смутно въ памяти своей
 Храню я взглядъ могучій,
 Прекраснѣй неба, водъ свѣтлѣй,
 Звѣздъ ярче, солнца жгучей.

Кострома.

Великій, славный русский градъ,
Твоей красой горжуся я,
Красой прославленныхъ палатъ
Россіи перваго царя.

Пречистой дѣвою святой
Явленъ былъ благословенный,
Съ тѣхъ поръ коснутся ужъ рукой
Тебя не смѣлъ врагъ дерзновенный.

Не смѣлъ никто ужъ угрожать,
Ни злой татаринъ безобразный,
Ни прежній, вольный панъ полякъ,
Ни свой холопъ, казакъ несчастный.

На холодѣющей гранитъ
Упалъ предъ шляхтою спѣсивой
Сусанинъ, Костромской мужикъ,
Царя спаситель, всѣмъ на диво!

Здѣсь волны чистыя рѣки
На солнцѣ весело играютъ,
И разноцвѣтные пески
На днѣ, какъ золото, сверкаютъ.

Давно старинный монастырь
Кресты тамъ къ небу простираетъ,
И всѣхъ, какъ на веселый пиръ
Звонъ колокольный призываетъ.

Убогихъ, нищихъ и больныхъ,
Дѣльцовъ богатыхъ, франтовъ праздныхъ
Обитель зреть въ стѣнахъ своихъ
Изъ странъ собравшихся къ ней разныхъ.

Какъ близкихъ, какъ дѣтей родныхъ
Съ живымъ участиемъ принимаетъ,
Равно для добрыхъ и для злыхъ
Врата обитель открываетъ.

Море.

Твоих великихъ водъ пространство,
Твоей незримой глубины
И волнъ бушующихъ коварство
Пѣвцы воспѣли старины.

Бушуешь ты порой сердито,
Порою тише ты ручья,
О море, въ гнѣвѣ ты велико,
Хотя капризно, какъ дитя.

Порой отъ жизненныхъ ты бурь
Насъ усыпишь и укачаешь,
Страшнѣй-же бурь твоихъ порой
Въ душѣ ты бури подымаешь.

Тебя порою, злобы полнѣ
Я ненавижу и боюсь,
Страшить меня твой плачъ и стонъ...
Порой-же къ нимъ съ любовью рвусь я...

Ты много горя мнѣ даешь
И много радости приносишь,
Съ тобой и счастье найдешь
И горя гнетъ тяжелый сносишь.

Въ тебѣ богатства безъ конца,
Въ тебѣ путь къ бѣдности короткій,
Въ тебѣ и вѣчная тюрьма,
Просторъ свободный и раздольный!

Съ свирѣпой жадностью глотать
Ты можешь все, что намъ не надо,
И такъ-же хладно отдавать
Намъ драгоценности въ награду.

Съ тобою сладить только Богъ,
А намъ не справиться съ тобою...
Прости-жъ... Прославилъ я, какъ могъ,
Тебя сей пѣсенкой простою.

Головушка.

Голова ль, головушка
Отчего болишь?

Гдѣ твоя зазнобушка,
Что къ ней не спѣшишь?

Или правъ лишилася
Къ ней прильнуть на грудь,
Все что бь позабылося,
Сладкимъ сномъ заснуть?

Иль болишь съ похмѣлія
И безъ сна ночей,
Съ шумнаго веселія,
Съ дѣвичьихъ очей?

Встрѣча.

Позволь напомнить мнѣ про встрѣчу,
Про встрѣчу первую съ тобой,
Про тотъ осенній, чудный вечеръ
Когда мы шли рука съ рукой.

И среди тихаго покоя,
При тускломъ свѣтѣ фонарей
Я любовался безконечно
Красою чудною твоей.

И какъ забыть твои мнѣ очи,
Какъ образъ твой мнѣ позабыть.
Кораллы усть и щечекъ розы?
Кто могъ бы ихъ не полюбить?

И стройный станъ, походки гордой
Движенья, бойкій разговоръ,
То нѣжный, ласковый, то твердый
И смѣлый твой прекрасный взоръ.

Пойми-же, какъ я позабуду
Святую страсть души моей?
Любить я нѣжно, страстно буду,
Какъ любить мать своихъ дѣтей!

№ 3991.

Но ты сильнѣе возбудила
Въ душѣ моей горячій жаръ,
Свой поцѣлуй когда дарила,
Зажгла въ душѣ моей пожаръ!

Къ твоимъ устамъ я, какъ безумный
Все съ новой страстью припадалъ
И въ этомъ мигъ, волшебный, чудный,
Я все святое забывалъ.

Спаси-жь меня! Успокоенье
Дай мнѣ — любить иль умереть?
Въ тебѣ и счастье, мученье,
Въ тебѣ и жизнь, въ тебѣ и смерть!

